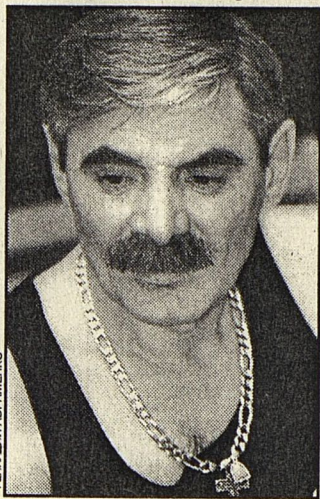

ПАНКРАТОВ-ЧЕРНЫЙ... И БЕЛЫЙ

**"На меня поднимали руку
женщины,
я работал ассистентом
режиссера ради куска
хлеба, а вот презервативов
с собой не ношу"**

ГЕНАДИЙ АВРАМЕНКО

Мама хотела, чтобы он стал военным: "Кормежка казенная, одежда казенная. Глядишь, жена красавицей будет". А у него никогда не было желания и цели нравиться женщинам — дескать, "не мужское это дело". Он старался от них почаще уходить, чтобы не обременять своим присутствием и не зарождать в подругах желание получить больше, чем имеют. И тем не менее он окончательно женился: супруга Юлия сбежала с ним из родительского дома от известного папы. Родился сын, почему-то похожий на Маяковского...

Блюдо, которое он умеет готовить, — кипятик, но крутой. "Я рос в Сибири: люблю холодную водочку, капустку квашеную, огурчики солененькие, грибочки — грузди соленые", — говорит он. А еще этот человек — изумительный актер.

Да что там говорить, просто он — Панкратов-Черный.

Читайте 4-ю стр.

ПЕРСОНА

Александр Васильевич Панкратов-Черный... Артист, меценат, философ, романтик... Женат. Есть сын — Володя Панкратов. Просто Панкратов, не Черный. «Джуниор» любит рок-н-ролл и занимается эстрадной эксцентрикой. Пока доволен... Папа, кстати, тоже. Панкратов-Черный, как пишут в книгах, родился в деревне Конево Алтайского края в бедной крестьянской семье. Так что детство у артиста выдалось не из легких. Его мама Агриппина Токарева была родом из Челябинска, но в 20-е их семью сослали на Алтай. Там она вышла замуж за такого же сыльного казака Василия Гусева, однако фамилию первого мужа, Панкратова, оставила, именуясь с тех пор Токаревой-Панкратовой. Да и всем своим детям от обоих браков она дала фамилию первого мужа... Потому что первый супруг в отличие от второго, казака, не был «ославлен» перед советской властью.

А Черным Александр Васильевич начал называть себя сам, уже в зрелом возрасте, чтобы избежать путаницы с режиссером Панкратовым, но блондином.

МАМА...

— Наша семья была сослана на Алтай. Там, собственно, я родился и вырос... сам себя воспитывал... Мой дедушка считался белым офицером: он служил в охране государя императора. Вообще же, что интересно, четыре поколения казаков нашей семьи служили в охране царей. Кстати, может быть, дедушку и спасло то, что его сослали в 27-м, а не в 29-м... Он остался жив. Уже потом репрессировали отца с мамой. И только в 1959 году, после реабилитации, маме разрешили поселиться до Урала. Тогда же мы с Алтая переехали в Кемеровскую область к маминной тете: поселились в поселке Колмогоровском, где у меня сейчас живет сестра. Уже там продолжалось мое детство.

— Детство — это мама?

— На 90-м году она скончалась, царство ей небесное... Ей еще до революции цыганка в Петербурге нагадала, что «у Агриппины долгая жизнь будет, трудная, но доживет она до девятого десятка». В войну мама потеряла двоих детей: Толю и Лидочку от первого маминного брака... Они погибли от голода. Мама всю войну работала на железной дороге, сопровождала эшелоны с боеприпасами, обмундированием, продуктами до линии фронта. И в один ужасный день их состав разбомбили, она три недели не могла добраться до Ашхабада, где оставила детей. Еда у малышей закончилась, туркмен они боялись, да и языка не знали. Милостыню просить стеснялись... Пошли по помойкам, мусорным ямам искать пропитание. Но, вероятно, чем-то отравились и умерли. Она приехала, а дети в могре... (Молчание.)

...А потом родилась сестра Зиночка в 45-м году, где-то через полгода после окончания войны, в январе. А 49-м уже и я.

— Мама гордилась, что сын — актер?

— Мама не одобряла мой выбор, очень хотела, чтобы сын стал военным.

— Казенная кормежка...

— Конечно: кормежка казенная, одежда казенная. Ну и потом, она говорила: за офицерами симпатичные девчонки ухлестывают, глядишь, и жена красавицей будет. Так что было много козырей за то, чтобы я был военным. Но я пошел по другой стезе.

— К книгам, если не ошибаюсь, вас бабушка приобщила...

— Именно. У меня бабушка вообще была народная сказительница. Много знала поверий, суеверий, сны могла разгадывать. Она к сказкам относилась как к описанию не чего-то чудесного-волшебного, дивного, а как к реалистическому явлению в жизни наших предков. Она считала, что сказки — это то, что было на самом деле: что были Змеи Горынычи — люди такие злые, и о Бабе Яге она говорила как о конкретном человеке. А потом, что интересно, я натолкнулся на записки Николая Рериха, и он тоже считал, что сказка — это зашифрованная информация о прошлом человечества.

— Мама, наверное, движимая одной целью — прокормить семью, — была далека от такой лирики?

— Она к лирике была неприязна. Единственной ее задачей было сделать все возможное, чтобы дети получили образование, чтобы выросли из тмугаранки. Когда маму в 59-м году реабилитировали, первое, чего она стала добиваться, — именно выезда из деревни. У нас в деревне не было ни электричества, ни радио. Только в 57-м году впервые появилась лампочка Ильича от какого-то движка. Единственное, кинопередвижка приезжала раз в два месяца или два раза в месяц, дай Бог. А зимой, если дорогу занесло снегом, или осенью, в распутицу, к нам ни телегой, ни санями не добраться. Пока мы ехали с Алтая, я впервые вживую увидел паровоз, пароход, самолет. Для меня это было тогда настоящим потрясением.

— Неужели самолет был в диковинку?

— Конечно. Я только в кино на экране видел все это. Мне было 9 лет, но в память это все врезалось. Я даже запах бензина до сих пор люблю. Потому что когда я увидел автомобиль... запах бензина... и выхлопная труба... я впервые вдохнул этот запах... Тогда это было незабываемо.

— Кинематограф был своего рода проводником?

— Конечно, поэтому у меня и была мечта работать в кинематографе. Я где-то в книжках вычитал, что кино делают режиссеры. Думаю: вырасту — стану режиссером. Потом вычитал, что режиссер в основном работает с артистами. Ну, думаю, сначала нужно стать артистом, а потом уже идти в режиссуру. То есть у меня все постепенно выстраивалось.

ЖЕНЩИНЫ...

— По молодости лет вы часто дрались. Самооборона или же перед девушками...

— Перед женщинами, кстати, я никогда не выдирчивался, у меня никогда не было желания и цели нравиться женщинам. Я считаю, что это не мужское дело. Пушкин правильно сказал: чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей.

— Игнорируешь — тебя полюбит?

— Возможно. Единственное, что меня печалило, если говорить об отношениях с женщинами, это то, что я, к сожалению, ничего не мог дать взамен женскому вниманию. Кроме своего внимания, нежности, ласки и прочего. Материально, например, я не мог подарить женщине ни чего, ни красивый букет цветов — у меня на это не было денег. Поэтому я дарил в основном стихи и самого себя. Вот и все, что от меня получали женщины. Но женщинам, как всегда, этого было мало... Поэтому я старался от них почаще уходить, чтобы не обременять их своим присутствием и не заражать в них желание получить что-то большее, так как я ничего не имел. Но женщины, я думаю, на меня не в обиде.

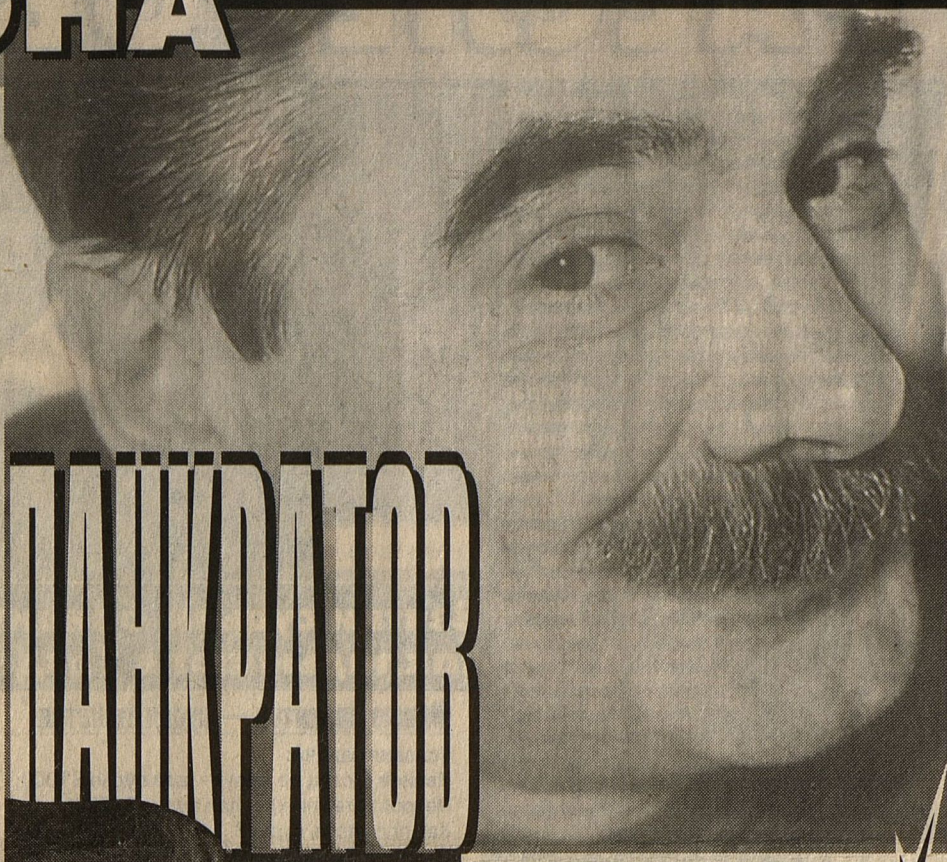
— Вы всегда расставались со своими женщинами друзьями?

— Через какое-то время становились друзьями. Каждая разлука — это всегда печаль, редко праздник. Всегда это какая-то боль: или твоя, или боль того человека, от которого ты уходишь. Но потом взрослеешь и понимаешь, что лучше добрые отношения, они продлевают жизнь, они тебя делают сильнее, нежели плохие отношения, не разговаривать не общаться.

— Вы хоть раз в жизни получали от женщины пощечину?

— Не помню, честно говоря. Хотя руки на меня женщины поднимали. Но это всегда вызывало у меня смех.

— И тем не менее вы романтик. Ваша суп-

ГЕНАДИЙ АБРАМЕНКО

ГЕНАДИЙ АБРАМЕНКО

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

ИЗБЕЛЫЙ

руга Юля сбежала с вами из родительского дома...

— Юля бежала? Не помню... Сбежала?.. Да нет. Просто ушла и пришла ко мне. Что ей бежать? Женщина была в своем сознании. И мы жили много лет, болтались без квартиры, без жилья по всей Москве. И слава богу, что ей хватило терпения...

— Ее отец, насколько я знаю, вас невзлюбил. Наверное, боялся, что вы финансово несостоятельный молодой человек, не сможете содержать Юлю достойно?

— У нее отец был знаменитый кинооператор, очень известный человек в кинематографе. Может быть, он подумал, что я женюсь из каких-то деловых соображений, делаю карьеру. Но в последние годы мы очень дружили с Владимиром Васильевичем, и он ко мне относился нежно, с вниманием, пониманием, и очень переживал за мои неудачи. Но он знал, что я самостоятельный человек и всего добьюсь сам.

— Вы ни разу не разочаровались в актерской профессии?

— Нет, никогда. Минуты отчаяния, конечно же, были. Был даже момент, когда я хотел уйти из кинематографа, вернуться в театр. Анатолий Васильевич Эфрос предлагал: уйди в театр. Но вот если бы я пришел в театр и там ничего не получилось... Наверное, ушел бы в литературу, ушел в уединение и тихонько писал. А хлеб и вода, да мне больше ничего и не надо было.

— Это хорошо так рассуждать, когда молодой: нет еще семьи, не надо нести груз обязательств.

— Вот-вот. Когда сын родился, да, тогда приходилось задумываться. Раз есть семья, значит, есть ответственность ее содержать, кормить. Но я и в молодости не чурался работы. Разгружал вагоны, на Рижском вокзале подрабатывал. В Горьком, когда учился в театральном, баржи с арбузами разгружал. Не давали снимать художественное кино — мы, уже выпускники, снимали «Фитили», снимали учебные фильмы для ГАИ, пожарных. Я шел спокойно в ассистенты к режиссеру и не держал это за падло. Работал исполняющим обязанности второго режиссера, ассистентом, лишь бы зарабатывать на кусок хлеба.

И СТУДЕНТЫ ТОЖЕ...

— Как вы проводили досуг, будучи студентом?

— Как все студенты: пили, гуляли, веселились.

— Доходило до скандалов?

— Естественно. Однажды чуть не исключили.

— Плохо учились?

— В нашем понимании хорошо. Во ВГИКе мы учились в коридорах. Например, общаясь со студентами мастерской Кармена, узнавали, что творится в документальном кинематографе. Общаясь с учениками Петра Пашкевича, художниками, мы знали, что там творится. Мы все дружили, общались, что там творится. Мы все дружили, общались. И система образования была прекрасная. Мы могли свободно приходить на лекции Герасимова, Эфруди, Столпера, Дзигана — поменьше учились у всех. Ну а то, что пропускали занятия, это как у всех... господи, политэкономия, история КПСС — это же смешно. Но сдавали потом все же... У нас были педагоги творческие люди. Нам оценки ставили не за то, что мы выкупили цитату из Карла Маркса или какого-то учебника, а за то, как мы умеем врать. В этом они видели способности, творческое начало. Мне как-то один человек сказал: раз так Панкратов-Черный умеет врать, этому человеку место в советском кинематографе.

— Раз вы умеете врать, значит, вам легко дается исполнение роли женщин на сцене?

— Если что-то легко далось, то это не роль. Я играл дважды женщин, но это были комедийные пародии на женщин. А чисто женщины как женщины я не играл. Например, как Олег Павлович Табачков буфетчицу знаменитую сыграл. Или как Дастин Хоффман сыграл Тутси.

“На меня поднимали руки женщины, я работал ассистентом режиссера ради куска хлеба, а вот презервативов с собой не ношу”

— В студенческие годы, как свидетельствуют друзья, вам даже есть не на что было. Найдя как-то в тяжелые времена 15 копеек в автобусе и наступив на них, вы долго не могли сойти с места, боясь, что вас увидят поднимающим монету. Сегодня, будучи не бедным человеком, вы всегда подаете нуждающимся, голодающим?

— Я знаю, что людям нужно помочь. А когда вижу, что косят под нищих, под убогих, — это печально. Сейчас таких много.

— А вы помните свою дипломную работу?

— Конечно. Это было мое первое прикосновение к творчеству Василия Макаровича Шукшина. По мотивам рассказа «Штрихи к портрету», я так, несмотря на все препятствия, снял фильм «Штрихи к портрету». Лев Дуров замечательно сыграл главного героя. Фильм получил очень много призов на разных фестивалях короткометражных фильмов. Причем сняли мы его подпольно, за неделю, благодаря моему профессору Дзигану Ефиму Львовичу, который пробил мне (тихонько) запуск диплома. Мы его за неделю сделали, пока ректор ВГИКа Ждан Виталий Иванович был за границей, во Франции. Он приехал, а фильм закончен. Дело в том, что мне нужно было уходить в армию, отсрочка была до защиты... Хотя мне уже было 27 лет, в армию могли и не призвать. Но призвали. И я защитил диплом, слава богу, на «отлично».

— Жалели, что столько времени потеряли в армии?

— Да нет, не жалею. Жалко было, что меня от двух мастерских — столперовской и дзигановской — единственного отправили на «Мосфильм» официально, после дипломной работы. Но год пришлось отдать армии. А когда через год с лишним я вернулся на киностудию, то уже я был никому не нужен. И три с половиной года я ждал пер-

Панкратов-младший пошел в Маяковского.

вой картины, первого запуска. Было потеряно много времени. То есть не год в армии, а куда больше — получается четыре года. А то, что армию прошел, — это нормально. В будущем мне очень пригосилось. В военных картинах, пограничных, в которых я снимался уже в качестве актера. Это пошло на пользу.

СЫН...

— Но вы бы не хотели, чтобы сейчас ваш сын пошел в армию?

— Сейчас непонятно, что происходит в армии. И армия ли она. У меня сейчас ассоциация: армия — как ярмо. Сейчас непонятно кому служат солдаты: то ли Отечеству, то ли генералам.

— Ваш сын уже взрослый человек, вы считаете, что правильно его воспитали?

— Я ему внимания мало уделял, да и сейчас некогда уделять. Но он очень самостоятельный парень, замечательно учится. Сын выбрал еще такую профессию — эстраду, это очень сложный жанр. У меня, например, нет музыкального слуха — у него прекрасный слух. У меня нет голоса — у него есть голос. У него совершенно иная пластика, он очень ритмичный парень. Он интересно работает и, слава богу, старается не подражать отцу.

— Мамин или папин характер?

— Мне кажется, у него дедушкин характер и немножко мой. Мама мягкая у нас, а он жесткий парень. Но честный, слава богу.

— Чертами лица он, по-моему, больше в маму...

— Многие говорят, что на меня похож. Мама считает, что на нее. А я вообще считаю, что он на Маяковского похож.

РАЗНОЕ...

— Я читал, что вы ратуете за все русское: поддержим отечественного производителя, еда там, одежда...

— В такие крайности я не бросаюсь. Журналисты пишут сами не зная что. Почему я должен ходить в лаптях, если у меня есть возможность выйти в хороших английских туфлях? Или почему я должен выходить в крестиками расшитой сатиновой рубашке, если у меня есть смокинг от Версаче? А кухня... тут у каждого свои слабости. Раньше я любил острую грузинскую кухню. Сейчас здоровье не позволяет. Русскую кухню я люблю с детства.

— Сами готовите?

— Нет. Блюдо, которое я умею готовить, — кипятик, но крутой. Я рос в Сибири: люблю холодную водочку, капустку квашеную, огурчики соленые, грибочки — грузди соленные, но не маринованные.

— Абдулов мне в интервью сказал, что лучшая закуска к водке — это плов, «авас».

— Это потому что он родился в Средней Азии и вырос в Фергане. Хотя я тоже люблю плов покушать, когда друзья готовят.

— Кстати, о друзьях. Много их со студенческих времен осталось?

— Знакомых много. Друг — это несколько больше.

— Вы всегда первым пойдете на примирение или выждете?

— В принципе, иду первым. Я в целом к распрям отношусь отрицательно, но иногда вообще не подаю руки и рву отношения.

— Вы — душа компании или позволяете перетягивать одеяло?

— Ради бога, я люблю отдыхать в компаниях, а не работать. А чтобы быть душой компании — надо работать, стараться, веселить.

— Вы в гороскопы верите?

— Иногда. Гороскопы, астрология — это почти наука. Правда, у нас мало образованных людей, которые составляют гороскопы.

— К Павлу Глобе после того, как он предсказал вашу аварию, всегда прислушиваетесь?

— Да, Паше я верю. Во всяком случае, то, что он предсказывал мне, сбывается.

— Я тут читал, что вы как-то на одном банкете, шутки ради, презервативы под супницы гостям положили...

— Это неправда, я их, во-первых, с собой не ношу. Кинул один человек, которого потом за это исключили из Союза кинематографистов, а я его защищал. Откуда тогда появился слух? Да журналисты написали, взяв у одной алкоголички интервью; она об этом шлепнула, тоже прослышав от кого-то...

— И про 600-й «Мерседес» неправда?..

— А что про «Мерседес»?

— Звонили и угрожали вашей супруге, что, мол, Панкратов-Черный нам должен денег, потому что он в нас врезался.

— Это было. Там работали настоящие аферисты. Хотя я однажды тоже пошутил. Один мой приятель искал года два финский мебельный гарнитур (тогда они были в моде), наконец нашел. А тут как раз 1 апреля наступило. И мы с приятелем пошутили, дали объявление в «Вечерку»: продается финский гарнитур — и напечатали адрес. Сделали такую подлянку другу, а там чуть развод в семье не произошел. Жена не могла понять: два года искали гарнитур, только купили — и вдруг продается.

— Скажите, откуда у вас находится время на детей, на благотворительность? У меня в виду детские дома, находящиеся под вашим патронажем?

— Я же не каждый день снимаюсь. Или, например, еду в командировку в Иркутскую область, в Барнаул — почему в свободное время не посетить детский дом? Потом, у меня друзья спортсмены... И детский спортивный фонд «Наше поколение» уже существует 10 лет, недавно мы юбилей отпраздновали. Бизнесменом подключаю. Есть добрые и богатые люди, почему не отстегнуть от прибыли и бросить не на фуршет для каких-нибудь тунеядцев, а купить осенние ботинки для детей из детских домов.

— А вы вообще считаете себя состоятельным человеком?

— Финансово? Я об этом никогда не думаю, на хлеб хватает семье и близким. А хотя, когда как. Мне же еще старшую сестру нужно поддерживать.

— С сестрой часто видите?

— Нет, к сожалению, и с братом тоже очень редко. У меня брат родной по отцу на Алтае живет. Сестра, как я и говорил, в Кемеровской области... приходится помогать, поддерживать. Сестра она же одна, двое детей — две дочери. Старшая замужем, но там внучка растет. Забот полон рот.

— А культуру мы теряем?

— Где-то она возрождается, а где-то теряет. Культура — это же не просто брелок в кармане, который потерял, и его нет. Это что-то земное. В одном месте болит, а в другом выздоравливает. Так же как и в организме человека. Как часто бывает: лечишь печень — губишь желудок, лечишь желудок — губишь селезенку, занимаешься исправлением мозгов — убиваешь сердце. Так и культура: лечишь одно — погибает что-то другое.

— Политикой интересуетесь?

— Политика касается каждого человека. Но говорить о порядочности тех или иных политиков зазорно. Политик ведь неискренний человек. Он может говорить одно, думать другое. Поэтому в чем его порядочность проявляется: когда он молчит или когда открывает рот? Трудно сказать.

— Валентин Гафт называл их всех актерами...

— Правильно. Хотя актерам чаще нужно верить. Конечно, это театр. Шекспир же говорил: вся жизнь — игра. Мы играем на сцене, они — на трибуне. А кто-то играет в постели. Такое тоже бывает. Но... опять же Шекспир: «Среди гнилых людей выбирать не приходится!»

Константин НИКОЛАЕВ.